

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199-2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Г.Ахмадеевой, С.И.Лысяка и А.Н.Сергеева

город Санкт-Петербург

8 декабря 2017 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

с участием представителя гражданки Г.Г.Ахмадеевой – адвоката Д.А.Шубина, представителей гражданина С.И.Лысяка – адвокатов К.Е.Безруковой, Е.Ю.Косяковой и В.М.Жуковского, представителя гражданина А.Н.Сергеева – адвоката А.Е.Моисеева, полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Т.В.Касаевой, представителя Совета Федерации – доктора юридических наук П.А.Кучеренко, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона ["О Конституционном Суде Российской Федерации"](#),

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 [ГК Российской Федерации](#), подпункта 14 пункта 1 статьи 31 [Налогового кодекса Российской Федерации](#), статьи 199-2 [УК Российской Федерации](#) и части первой статьи 54 [УПК Российской Федерации](#).

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан Г.Г.Ахмадеевой, С.И.Лысяка и А.Н.Сергеева. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Поскольку все жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона ["О Конституционном Суде Российской Федерации"](#), соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.М.Казанцева, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.Ю.Барщевского, а также представителей: от Федеральной налоговой службы – К.Н.Чекмышева, от Министерства юстиции Российской Федерации – М.А.Мельниковой, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т.А.Васильевой, от Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей – А.А.Рябова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л:

1. В соответствии со статьей 15 [ГК Российской Федерации](#) лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере. Общие основания ответственности за вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, устанавливаются статьей 1064 данного [Кодекса](#), а ответственность юридического лица или гражданина за вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей, – статьей 1068.

Подпунктом 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации определяется, какие иски (заявления) налоговые органы вправе предъявлять в суды общей юрисдикции, Верховный Суд Российской Федерации или арбитражные суды.

Статьей 199-2 [УК Российской Федерации](#) предусматривается уголовная ответственность за сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и сборов.

Согласно части первой статьи 54 [УПК Российской Федерации](#) в качестве гражданского ответчика может быть привлечено физическое или юридическое лицо, которое в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации несет ответственность за вред, причиненный преступлением, о чем дознаватель, следователь или судья выносит постановление, а суд – определение.

1.1. Постановлением следователя от 24 декабря 2015 года уголовное дело, возбужденное в отношении Г.Г.Ахмадеевой, которая на

основании гражданско-правового договора оказывала ООО "Темп" бухгалтерские услуги, по признакам преступления, предусмотренного статьей 199 "Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации" [УК Российской Федерации](#), было прекращено вследствие акта об амнистии. Красноуфимский городской суд Свердловской области решением от 13 июля 2016 года, оставленным без изменения вышестоящими судами, удовлетворил требование межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы № 2 по Свердловской области к Г.Г.Ахмадеевой о возмещении ущерба, причиненного бюджету в результате совершения ею налогового преступления, в сумме 2 782 894 руб.

Заявительница просит признать не соответствующими статьям 18, 19, 34 (часть 1), 35 (части 1 и 3), 46 (части 1 и 2), 47 (часть 1), 49 (часть 1), 55 (часть 3) и 118 (часть 2) Конституции Российской Федерации подпункт 14 пункта 1 статьи 31 [Налогового кодекса Российской Федерации](#), пункт 1 статьи 15 и абзац первый пункта 1 статьи 1064 [ГК Российской Федерации](#), а также часть первую статьи 54 [УПК Российской Федерации](#), поскольку содержащиеся в них положения, по ее мнению, позволяют признавать налоговый орган надлежащим заявителем по иску о взыскании с гражданина, оказывающего организации бухгалтерские услуги на основании гражданско-правового договора, вреда, причиненного налоговым преступлением, выразившимся в уклонении от уплаты налогов с организации; взыскивать с этого гражданина вред, причиненный бюджету таким налоговым преступлением, в случае прекращения в отношении него уголовного дела по нереабилитирующему основанию и не учитывать при этом, что организация, привлеченная к налоговой ответственности за неуплату налога, является действующей и погашает образовавшуюся задолженность самостоятельно.

1.2. Возбужденное по статье 199-2 [УК Российской Федерации](#) в отношении С.И.Лысяка, исполнявшего обязанности директора муниципального унитарного предприятия "Теплоэнерго", уголовное дело постановлением следователя от 23 сентября 2015 года было прекращено вследствие акта об амнистии. Черниговский районный суд Приморского края решением от 19 мая 2016 года, оставленным вышестоящими судами без изменения, удовлетворил требование межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы № 11 по Приморскому краю к С.И.Лысяку о возмещении ущерба, причиненного бюджету в результате совершения им налогового преступления, в сумме 8 218 438 руб. 41 коп.

Заявитель просит признать пункт 1 статьи 1064 [ГК Российской Федерации](#) во взаимосвязи с пунктом 2 той же статьи, статьей 15 данного [Кодекса](#) и статьей 199-2 [УК Российской Федерации](#) противоречащими статьям 2, 15 (часть 1), 17 (часть 3), 18, 45, 46 (часть 1), 49, 50 (часть 2), 55 (часть 3) и 64 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они позволяют взыскивать в пользу государства вред, причиненный преступлением, предусмотренным статьей 199-2 [УК Российской Федерации](#), с гражданина, уголовное дело в отношении которого прекращено вследствие акта об амнистии, признавая его виновным в инкриминируемом преступлении в рамках

гражданского, а не уголовного процесса и нарушая тем самым презумпцию невиновности.

1.3. Приговором Валдайского районного суда Новгородской области от 31 июля 2015 года А.Н.Сергеев – бывший генеральный директор ООО "ЛВЗ "Угловский" был признан виновным в уклонении от уплаты акциза путем включения в налоговую декларацию заведомо ложных сведений (пункт "б" части второй статьи 199 [УК Российской Федерации](#)). Окуловский районный суд Новгородской области решением от 26 января 2016 года, оставленным вышестоящим судом без изменения, удовлетворил поданный в интересах Российской Федерации иск заместителя прокурора Новгородской области к А.Н.Сергееву о возмещении вреда, причиненного совершенным им преступлением, в сумме 142 339 719 руб.

По мнению заявителя, положения статей 1064 и 1068 [ГК Российской Федерации](#) и части первой статьи 54 [УПК Российской Федерации](#) противоречат статьям 1 (часть 1), 15 (части 1 и 2), 19 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой неопределенность содержащегося в них понятия "вред" позволяет взыскивать с руководителя организации суммы неуплаченного в бюджет налога в случае, если неуплата возникла вследствие его преступных действий, установленных приговором суда.

1.4. Как следует из статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона ["О Конституционном Суде Российской Федерации"](#), Конституционный Суд Российской Федерации проверяет по жалобе гражданина конституционность законоположений, примененных в деле заявителя и затрагивающих конституционные права и свободы, на нарушение которых он ссылается; Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм; при принятии решения Конституционный Суд Российской Федерации не связан основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что конкретным делом в смысле положений статей 96 и 97 Федерального конституционного закона ["О Конституционном Суде Российской Федерации"](#) является то дело, в котором судом в установленной юрисдикционной или иной процедуре разрешается затрагивающий права и свободы заявителя вопрос на основе норм соответствующего закона, устанавливаются и (или) исследуются фактические обстоятельства; при этом само по себе упоминание в судебных актах тех или иных норм не может расцениваться как их применение в конкретном деле заявителя (определения от 5 июля 2002 года № 187-О, от 19 февраля 2004 года № 33-О, от 21 декабря 2011 года № 1774-О-О, от 4 июня 2013 года № 832-О, от 22 января 2014 года № 49-О, от 22 апреля 2014 года № 768-О и др.).

Материалами, представленными в Конституционный Суд Российской Федерации гражданкой Г.Г.Ахмадеевой, применение в деле с ее участием части первой статьи 54 [УПК Российской Федерации](#) не подтверждается: данное дело было рассмотрено в порядке гражданского судопроизводства, т.е. в качестве гражданского ответчика в уголовном процессе заявительница не привлекалась, а статья 54 [УПК Российской Федерации](#) упоминается лишь в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2006 года № 64 "О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления", на которое ссылались суды при вынесении решения.

Материалы, представленные в Конституционный Суд Российской Федерации гражданином С.И.Лысяком, не подтверждают применение в деле с его участием статьи 199-2 [УК Российской Федерации](#): данная статья также была лишь упомянута в судебных актах при изложении обстоятельств дела заявителя и нормативным основанием его разрешения не выступала.

Как следует из материалов, представленных в Конституционный Суд Российской Федерации гражданином А.Н.Сергеевым, суды, установив, что противоправные действия привели к невозможности исполнения организацией, руководителем которой он являлся, обязательств по уплате налогов, в результате чего государству был причинен ущерб, тем не менее не рассматривали вопрос о возможности применения в его деле статьи 1068 [ГК Российской Федерации](#). Эта норма, равно как и статья 54 [УПК Российской Федерации](#) упоминаются судами лишь в контексте постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2006 года № 64.

Соответственно, в силу статей 96 и 97 Федерального конституционного закона ["О Конституционном Суде Российской Федерации"](#) в части оспаривания конституционности части первой статьи 54 [УПК Российской Федерации](#), статьи 199-2 [УК Российской Федерации](#) и статьи 1068 [ГК Российской Федерации](#) жалобы граждан Г.Г.Ахмадеевой, С.И.Лысяка и А.Н.Сергеева не могут быть признаны допустимыми, а производство по настоящему делу в этой части в соответствии с требованиями пункта 2 статьи 43 и статьи 68 названного Федерального конституционного закона подлежит прекращению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются положения статьи 15, пункта 1 статьи 1064 [ГК Российской Федерации](#) и подпункта 14 пункта 1 статьи 31 [Налогового кодекса Российской Федерации](#) – постольку, поскольку эти положения в их взаимосвязи служат нормативным основанием для решения вопроса о взыскании по искам прокуроров и налоговых органов с физических лиц, которые были осуждены за совершение налоговых преступлений, связанных с неуплатой налогов организацией, или в отношении которых уголовное преследование в связи с совершением таких преступлений было прекращено по нереабилитирующим основаниям, денежных сумм в счет возмещения вреда, причиненного бюджетам публично-правовых

образований.

2. Согласно статье 57 Конституции Российской Федерации каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы.

Исходя из публично-правовой природы государственной власти и понимания налогов как элемента финансовой основы деятельности государства, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к следующим выводам (постановления [от 17 декабря 1996 года № 20-П](#), [от 27 апреля 2001 года № 7-П](#), [от 30 июля 2001 года № 13-П](#), [от 14 июля 2005 года № 9-П](#), [от 11 марта 2008 года № 4-П](#), [от 30 октября 2014 года № 26-П](#) и др.; определения [от 27 декабря 2005 года № 503-О](#), [от 20 марта 2008 года № 179-О-О](#), [от 7 ноября 2008 года № 1049-О-О](#), [от 1 декабря 2009 года № 1488-О-О](#), [от 7 декабря 2010 года № 1572-О-О](#), [от 10 марта 2016 года № 571-О](#), [от 27 сентября 2016 года № 2153-О](#) и др.):

обязанность, установленная статьей 57 Конституции Российской Федерации, имеет публично-правовой, а не частноправовой характер; соответственно, налоговые правоотношения основаны на властном подчинении одной стороны другой и предполагают их субординацию; налогоплательщик не вправе распоряжаться по своему усмотрению той частью принадлежащего ему имущества, которая в виде денежной суммы подлежит взносу в казну, а соответствующие органы публичной власти наделены полномочием в односторонне-властном порядке, путем государственного принуждения взыскивать с лица причитающиеся налоговые суммы;

в целях исполнения налогоплательщиками данной конституционной обязанности федеральный законодатель в соответствии со статьями 57, 71 (пункты "в", "ж", "з", "о"), 72 (пункты "б", "и" части 1), 75 (часть 3) и 76 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации устанавливает общие принципы налогообложения и систему налогов, взимаемых в бюджет, а также – с учетом требований статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации – предусматривает призванные обеспечивать ее исполнение меры государственного принуждения на основе общих принципов юридической ответственности, таких как справедливость, соразмерность, пропорциональность и неотвратимость, и конкретизирующих их принципов налоговой ответственности;

государство обязано принимать все меры, направленные на понуждение налогоплательщика к полной и своевременной уплате причитающихся сумм налога, включая привлечение виновного лица к установленной законом ответственности с учетом характера и степени общественной опасности совершенного им деяния, особенностей его личности и обстоятельств конкретного дела; вместе с тем – для обеспечения баланса конституционно защищаемых ценностей и интересов – следует использовать только строго обусловленные конституционно одобряемыми целями меры, отвечающие требованиям адекватности, необходимости и правовой определенности, а устанавливаемое законодателем правовое регулирование – с тем чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации –

должно содержать формально определенные, четкие, не допускающие расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения нормы.

3. В соответствии с [Налоговым кодексом Российской Федерации](#) лицом, ответственным за неуплату налогов и сборов в бюджет, является, как правило, сам налогоплательщик, – возложение каких-либо налоговых обязанностей или налоговой ответственности на иных лиц (например, налоговых агентов) возможно лишь в силу прямого указания закона. Применительно к налогоплательщику-организации это означает, что совершившей собственно налоговое правонарушение признается именно организация как юридическое лицо, которое может быть привлечено к ответственности, предусмотренной налоговым законодательством. Что касается ответственности учредителей, руководителей, работников организации-налогоплательщика и иных лиц за неуплату организацией налогов и сборов, то Налоговый кодекс Российской Федерации не устанавливает ее в качестве общего правила: взыскание с указанных физических лиц налоговой недоимки и возложение на них ответственности по долгам юридического лица – налогоплательщика перед бюджетом допускаются лишь в случаях, специально предусмотренных налоговым и гражданским законодательством.

Такое законодательное решение обусловлено тем, что размер налоговой обязанности налогоплательщика – организации рассчитывается исходя из показателей ее предпринимательской деятельности, принадлежащего ей имущества, обособленного от имущества ее учредителей и участников, и т.п., переложение же налоговой обязанности организации на иных лиц без учета их причастности к хозяйственной деятельности данной организации и (или) влияния на ее действия неизбежно привело бы к нарушению принципов соразмерности, пропорциональности и равенства налогообложения и тем самым – к нарушению конституционного баланса частных и публичных интересов.

Вместе с тем особенность правонарушений, совершаемых в налоговой сфере организациями, заключается в том, что, будучи юридическим лицом, организация совершает противоправное деяние опосредованно – через действия соответствующих физических лиц (обычно руководителей или работников, выполняющих функции бухгалтера), которые тем самым совершают административное правонарушение или преступление и несут административную либо уголовную ответственность. При этом субъекты налоговых преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, а также иные лица, чьи противоправные действия привели к непоступлению налогов в бюджет, не освобождаются от обязанности возместить причиненный этими противоправными действиями имущественный ущерб соответствующему публично-правовому образованию, которое должно иметь возможность удовлетворить свои законные интересы в рамках как уголовного законодательства, так и гражданского законодательства об обязательствах вследствие причинения вреда.

В силу статьи 8 [ГК Российской Федерации](#) гражданские права и обязанности возникают, в частности, вследствие причинения вреда другому лицу, в том числе действиями, в результате которых публично-правовое образование – потерпевшее лицо лишается возможности получить имущество в виде налоговых поступлений в бюджет от юридического лица, обязанного их предоставить, – налогоплательщика. В таких случаях между причинителем вреда – физическим лицом, совершившим действия, которые повлекли невозможность реализации налоговых обязанностей непосредственно налогоплательщиком либо принудительного их исполнения в рамках налоговых правоотношений, т.е. фактическое прекращение последних, и потерпевшим – публично-правовым образованием возникают и гражданские правоотношения, а следовательно, не исключается возможность привлечения физических лиц помимо административной или уголовной ответственности и к деликтной ответственности, предусмотренной гражданским законодательством, в той мере, в какой совершение ими соответствующих правонарушений сопровождается причинением вреда бюджетам публично-правовых образований.

3.1. Согласно Конституции Российской Федерации в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (статья 8, часть 2). Исходя из приведенного положения Конституции Российской Федерации [Гражданский кодекс Российской Федерации](#) относит к способам защиты гражданских, в том числе имущественных, прав возмещение убытков (статья 12) и предусматривает, что лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков (пункт 1 статьи 15). Соответственно, защите в рамках гражданско-правового регулирования подлежат имущественные права не только граждан, но и публично-правовых образований, включая само государство, как потерпевших от преступлений, связанных с неуплатой налогов, невозможность получения которых публично-правовым образованием может рассматриваться как утрата им определенного имущественного права.

То обстоятельство, что поступление налоговых платежей в бюджет происходит на основании не гражданско-правовых, а публично-правовых (налоговых) норм, не означает обязательность регулирования только [Налоговым кодексом Российской Федерации](#) отношений по поводу возмещения ущерба, причиненного бюджетам Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. В порядке, предусмотренном данным [Кодексом](#), положениями которого определяются последствия неисполнения налоговых обязанностей, вызванного неправомерными действиями организации-налогоплательщика и работников, выполнявших функции, влияющие на исполнение ею налоговых обязательств, несет ответственность сама организация как налогоплательщик, т.е. юридическое лицо, а в порядке, установленном нормами уголовного, административного и гражданского законодательства, могут нести ответственность ее работники как физические лица, т.е. правовое регулирование отношений по поводу возмещения имущественного вреда, причиненного бюджетам

публично-правовых образований в результате невозможности получения налогов, может обеспечиваться за счет правового инструментария гражданского права.

3.2. Как ранее указывал Конституционный Суд Российской Федерации, требование определенности правового регулирования, обязывающее законодателя формулировать правовые предписания с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину (объединению граждан) соотносить с ними свое поведение – как запрещенное, так и дозволенное, не исключает использования оценочных или общепринятых понятий, значение которых должно быть доступно для восприятия и уяснения субъектами правоотношений либо непосредственно из содержания нормативного положения или из системы взаимосвязанных положений, рассчитанных на применение к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций, либо посредством выявления более сложной взаимосвязи правовых предписаний, в частности с помощью даваемых судами разъяснений; именно судебная власть, действующая на основе принципов самостоятельности, справедливого, независимого, объективного и беспристрастного правосудия, по своей природе в наибольшей мере предназначена для решения споров на основе законоположений, в которых законодатель использует в рамках конституционных предписаний оценочные понятия (постановления [от 14 апреля 2008 года № 7-П](#), [от 5 марта 2013 года № 5-П](#), [от 31 марта 2015 года № 6-П](#), [от 4 июня 2015 года № 13-П](#) и [от 22 июня 2017 года № 16-П](#); Определение от 2 апреля 2009 года № 484-О-П).

Во взаимосвязи с приведенными правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации и с учетом фактических обстоятельств конкретного дела подлежит применению и широко используемое в российском законодательстве понятие "вред", на недостаточную определенность которого ссылаются заявители по настоящему делу в обоснование своей позиции относительно неконституционности оспариваемых ими законоположений. Между тем отсутствие в налоговом и гражданском законодательстве легальной дефиниции понятия "вред" само по себе не может рассматриваться как вносящее в правовое регулирование неопределенность, не позволяющую субъектам соответствующих правоотношений и правоприменительным органам осознавать и единообразно применять правила поведения, установленные нормами, в которых данное понятие используется, и предвидеть наступление ответственности за их нарушение.

3.3. Согласно части второй статьи 28-1 [УПК Российской Федерации](#), регламентирующей прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, в целях данной статьи под возмещением ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации, понимается уплата в полном объеме недоимки, пеней и штрафов в размере, определяемом в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах с учетом представленного налоговым органом расчета размера пеней и штрафов. Как следует из Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 20 марта 2014 года № 677-О, такой ущерб – исходя из

того, кому и каким образом он причинен, – может быть возмещен посредством выполнения обязательств по возврату имущества и (или) возмещению убытков потерпевшим; совершением преступления, связанного с неуплатой налогов и сборов, причиняется ущерб бюджетной системе Российской Федерации, выполнение обязательств по возврату имущества в этом случае выражается в возмещении такого ущерба, включая уплату недоимок в размере, установленном налоговым органом в решении о привлечении к ответственности, вступившем в силу, соответствующих пеней, штрафов в размере, определяемом в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации.

Однако понимание подлежащего возмещению вреда как включающего в себя не только недоимку и пени, но и штрафы, не уплаченные организацией, вполне разумное применительно к случаям прекращения уголовного преследования (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 марта 2014 года № 677-О), не может быть распространено на случаи возмещения ущерба, причиненного бюджетной системе лицами, подвергшимися уголовному преследованию за совершение налоговых преступлений и вследствие этого привлеченными к деликтной ответственности. Иной подход вступал бы в противоречие с Конституцией Российской Федерации, прежде всего ее статьями 35 (часть 3), 55 (часть 3) и 57, и основанной на них правовой позицией, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении [от 17 декабря 1996 года № 20-П](#) и подтвержденной в ряде определений [\(от 6 декабря 2001 года № 257-О](#), от 4 июля 2002 года № 202-О, от 8 февраля 2007 года № 381-О-П и др.), согласно которой неуплата налога в срок должна быть компенсирована погашением задолженности по налоговому обязательству, полным возмещением ущерба, понесенного государством в результате несвоевременного внесения налога; поэтому к сумме собственно не внесенного в срок налога (недоимки) федеральный законодатель вправе добавить дополнительный платеж – пеню как компенсацию потерь государственной казны в результате недополучения налоговых сумм в срок в случае задержки уплаты налога; что касается взыскания различного рода штрафов за нарушение налогового законодательства, то они выходят за рамки налогового обязательства как такового.

Оценивая размер возмещаемого вреда, причиненного уклонением от уплаты налогов и сборов, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 28 декабря 2006 года № 64 "О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления" также отметил, что по соответствующим делам не подлежит удовлетворению гражданский иск в части взыскания с виновного штрафа, поскольку предусмотренная [Налоговым кодексом Российской Федерации](#) ответственность (в виде штрафа) за деяние, совершенное физическим лицом, наступает в том случае, если это деяние не содержит признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации (пункт 24). Этот подход согласуется с конституционными принципами юридической ответственности и пределами конституционных полномочий Верховного

Суда Российской Федерации, определенными статьями 10 и 126 Конституции Российской Федерации, с учетом отсутствия прямого законодательного регулирования по данному вопросу.

Таким образом, вред, причиняемый налоговыми правонарушениями, заключается в непоступлении в бюджет соответствующего уровня неуплаченных налогов (недоимки) и пеней. При этом, учитывая предусмотренные законом механизмы взыскания налоговой задолженности юридического лица – налогоплательщика с третьих лиц, наличие имущественного вреда в таких случаях, по смыслу положений главы 59 "Обязательства вследствие причинения вреда" [ГК Российской Федерации](#), связано с невозможностью взыскания налоговой недоимки и предопределяется исчерпанием либо отсутствием оснований для применения мер ее взыскания (в том числе закрепленных абзацами восьмым и девятым подпункта 2 пункта 2 статьи 45 [Налогового кодекса Российской Федерации](#)), а также предусмотренных гражданским законодательством механизмов привлечения к ответственности по долгам юридического лица – налогоплательщика иных лиц.

3.4. Несовпадение оснований уголовно-правовой, налоговой и гражданско-правовой ответственности (в части определения момента наступления и размера вреда, а также его наличия для целей привлечения к ответственности по отдельным составам преступлений) обуславливает невозможность разрешения вопроса о виновности физического лица в причинении имущественного вреда, в том числе наступившего в результате преступных действий, исходя исключительно из установленности совершения им соответствующего преступления.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что обязанность возместить причиненный вред как мера гражданско-правовой ответственности применяется к причинителю вреда при наличии состава правонарушения, включающего, как правило, наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда, причинную связь между противоправным поведением причинителя вреда и наступлением вреда, а также его вину (постановления [от 15 июля 2009 года № 13-П](#) и [от 7 апреля 2015 года № 7-П](#); определения [от 4 октября 2012 года № 1833-О](#), [от 15 января 2016 года № 4-О](#), [от 19 июля 2016 года № 1580-О](#) и др.). Тем самым предполагается, что привлечение физического лица к ответственности за деликт в каждом случае требует установления судом состава гражданского правонарушения, – иное означало бы необоснованное смешение различных видов юридической ответственности, нарушение принципов справедливости, соразмерности и правовой определенности вопреки требованиям статей 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (части 1 – 3), 49 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Соответственно, возмещение физическим лицом вреда, причиненного неуплатой организацией налога в бюджет или сокрытием денежных средств организации, в случае привлечения его к уголовной ответственности может иметь место только при соблюдении установленных законом условий привлечения к гражданско-правовой ответственности и только при подтверждении окончательной

невозможности исполнения налоговых обязанностей организацией-налогоплательщиком. В противном случае имело бы место взыскание ущерба в двойном размере (один раз – с юридического лица в порядке налогового законодательства, а второй – с физического лица в порядке гражданского законодательства), а значит, неосновательное обогащение бюджета, чем нарушался бы баланс частных и публичных интересов, а также гарантированные Конституцией Российской Федерации свобода экономической деятельности и принцип неприкосновенности частной собственности (статья 8; статья 34, часть 1; статья 35, часть 1).

3.5. Таким образом, статья 15 и пункт 1 статьи 1064 [ГК Российской Федерации](#) в системной связи с соответствующими положениями Налогового кодекса Российской Федерации, [Уголовного кодекса Российской Федерации](#) и [Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации](#) – по своему конституционно-правовому смыслу – должны рассматриваться как исключающие возможность взыскания денежных сумм в счет возмещения вреда, причиненного публично-правовым образованиям в форме неуплаты подлежащих зачислению в соответствующий бюджет налогов, с физического лица, которое было осуждено за совершение налогового преступления или в отношении которого уголовное преследование было прекращено по нереабилитирующим основаниям, при сохранении возможности исполнения налоговых обязанностей самой организацией-налогоплательщиком и (или) причастными к ее деятельности лицами, с которых может быть взыскана налоговая недоимка (в порядке статьи 45 [Налогового кодекса Российской Федерации](#)), а также иными субъектами, несущими предусмотренную законом ответственность по долгам юридического лица – налогоплательщика в соответствии с нормами гражданского законодательства, законодательства о банкротстве.

После исчерпания или объективной невозможности реализации установленных налоговым законодательством механизмов взыскания налоговых платежей с организации-налогоплательщика и предусмотренных гражданским законодательством механизмов привлечения указанных лиц к установленной законом ответственности обращение в суд в рамках статей 15 и 1064 [ГК Российской Федерации](#) к физическому лицу, привлеченному или привлекавшемуся к уголовной ответственности за совершение налогового преступления, с целью возмещения вреда, причиненного публично-правовым образованиям, в размере подлежащих зачислению в соответствующий бюджет налогов и пеней по ним является одним из возможных способов защиты и восстановления нарушенного права и само по себе не может рассматриваться как противоречащее Конституции Российской Федерации.

Следовательно, привлечение физического лица к гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный публично-правовому образованию в размере подлежащих зачислению в его бюджет налогов организации-налогоплательщика, возникший в результате уголовно-противоправных действий этого физического лица, возможно лишь при исчерпании либо отсутствии правовых оснований для

применения предусмотренных законодательством механизмов удовлетворения налоговых требований за счет самой организации или лиц, привлекаемых к ответственности по ее долгам в предусмотренном законом порядке, в частности после внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о прекращении этой организации, либо в случаях, когда организация-налогоплательщик фактически является недействующей, в связи с чем взыскание с нее или с указанных лиц налоговой недоимки и пени в порядке налогового и гражданского законодательства невозможно. Этим не исключается использование мер, предусмотренных процессуальным законодательством, для обеспечения возмещения причиненного физическими лицами, совершившими налоговое преступление, вреда в порядке гражданского судопроизводства после наступления указанных обстоятельств, имея в виду в том числе возможность федерального законодателя учесть особенности применения таких мер в данных правоотношениях с учетом выраженных Конституционным Судом Российской Федерации правовых позиций.

В тех же случаях, когда судом установлено, что юридическое лицо служит лишь "прикрытием" для действий контролирующего его физического лица (т.е. de facto не является самостоятельным участником экономической деятельности), не исключается возможность привлечения такого физического лица к ответственности за вред, причиненный бюджету в связи с совершением соответствующего налогового преступления, еще до наступления указанных признаков невозможности исполнения юридическим лицом налоговых обязательств.

4. Исходя из предписаний статей 17 (часть 3), 19 (часть 1), 45 и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации [Гражданский кодекс Российской Федерации](#) в целях обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты как одного из основных начал гражданского законодательства (пункт 1 статьи 1) закрепляет в качестве общего принципа правило о возмещении убытков, причиненных лицу, право которого нарушено, в полном объеме лицом, их причинившим (статья 15). При этом в правоотношениях между субъектами гражданского права снижение размера деликтной ответственности, по общему правилу, недопустимо, поскольку полное или частичное освобождение причинителя вреда от имущественной ответственности одновременно означало бы лишение потерпевшего возможности компенсации причиненного ему вреда и тем самым – лишение его имущества, что являлось бы нарушением гарантий, вытекающих из статьи 35 (часть 1) Конституции Российской Федерации, согласно которой право частной собственности охраняется законом.

Что касается правоотношений по поводу возмещения вреда, причиненного бюджету в результате совершения налогового преступления, обусловившего невозможность получения налоговых платежей от организации-налогоплательщика, то они обладают существенной спецификой, поскольку содержание возникающего в таких случаях деликтного обязательства в значительной степени предопределяется содержанием налоговой обязанности юридического лица, не исполненной вследствие совершения преступления физическим

лицом – ответчиком, т.е. основано на предписаниях налогового законодательства.

4.1. Обращаясь к вопросам, связанным с применением мер ответственности, в том числе гражданско-правовой, Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал следующие правовые позиции:

такие меры должны не только соответствовать характеру совершенного деяния, его опасности для защищаемых законом ценностей, но и обеспечивать учет причин и условий его совершения, а также личности правонарушителя и степени его вины, гарантируя тем самым адекватность порождаемых последствий для лица, привлекаемого к ответственности, тому вреду, который причинен в результате деликта, обеспечивая баланс основных прав гражданина и общего интереса, состоящего в защите общества и государства; иное противоречит конституционному запрету дискриминации и выраженным в Конституции Российской Федерации идеям справедливости и гуманизма и несовместимо с принципом индивидуализации ответственности за правонарушения (постановления [от 19 марта 2003 года № 3-П](#), [от 27 мая 2008 года № 8-П](#), [от 13 июля 2010 года № 15-П](#), [от 17 января 2013 года № 1-П](#) и [от 14 февраля 2013 года № 4-П](#));

поскольку взимание налогов как обязательных индивидуально безвозмездных денежных платежей, необходимых для покрытия публичных расходов, связано с вторжением государства в право собственности, имущественные права, свободу предпринимательской деятельности и тем самым – в сферу основных прав и свобод, регулирование налоговых отношений должно осуществляться так, чтобы было гарантировано равное исполнение обязанностей налогоплательщиками и не создавались бы условия для нарушения их конституционных прав, а также прав и законных интересов других лиц. Законодатель, предусматривая ответственность за совершение налоговых правонарушений, должен исходить из конституционных принципов справедливости, юридического равенства, пропорциональности, соразмерности устанавливаемой ответственности конституционно значимым целям, с тем чтобы обеспечить баланс публичных и частных интересов как конституционно защищаемых ценностей (Постановление [от 14 июля 2005 года № 9-П](#));

вместе с тем нельзя исключать, что при некоторых обстоятельствах размер имущественной ответственности, к которой привлекается нарушитель, в сопоставлении с совершенным им деянием может превысить допустимый с точки зрения принципов равенства и справедливости предел и тем самым привести к нарушению статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, а в конечном счете – к нарушению ее статьи 21, гарантирующей охрану государством достоинства личности и не допускающей наказаний, унижающих человеческое достоинство (Постановление [от 13 декабря 2016 года № 28-П](#)).

Поскольку размер причиненного налоговым правонарушением вреда определяется размером налога, а сам налог определяется с учетом того, кто является налогоплательщиком – физическое или юридическое лицо, взыскание с физического лица вреда в размере налоговой недоимки и пени, рассчитанной в соответствии с предусмотренными

налоговым законодательством для юридических лиц показателями, может приводить к возложению на физическое лицо заведомо невыполнимых обязанностей и непропорциональной совершенному деянию ответственности, вопреки целям возмещения вреда как дополнительного (по отношению к предусмотренным налоговым законодательством механизмам исполнения налоговых обязательств самим налогоплательщиком) правового средства защиты прав и законных интересов публично-правовых образований, т.е. к нарушению указанных конституционных принципов.

4.2. Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении [от 13 декабря 2016 года № 28-П](#), конституционными требованиями справедливости и соразмерности предопределяется дифференциация публично-правовой ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении тех или иных мер государственного принуждения; соответственно, уголовно-правовые и административно-правовые санкции, устанавливаемые в целях защиты конституционно значимых ценностей, должны определяться исходя из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого они применяются) тому вреду, который причинен в результате противоправного деяния, с тем чтобы обеспечивались соразмерность мер уголовного и административного наказания совершенному правонарушению, а также баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств.

Данный вывод, основанный на ранее сформулированных Конституционным Судом Российской Федерации правовых позициях (постановления [от 12 мая 1998 года № 14-П](#), [от 14 мая 1999 года № 8-П](#), [от 15 июля 1999 года № 11-П](#), [от 27 мая 2003 года № 9-П](#), [от 18 июля 2003 года № 14-П](#), [от 30 октября 2003 года № 15-П](#), [от 14 ноября 2005 года № 10-П](#), [от 24 июня 2009 года № 11-П](#), [от 28 января 2010 года № 2-П](#) и [от 17 января 2013 года № 1-П](#)) в отношении публично-правовой ответственности, распространяется на регулирование гражданско-правовой ответственности в той мере, в какой оно выполняет и публичную функцию превенции.

Поскольку всесторонность и объективность разрешения дела является важнейшим условием для осуществления правосудия, суды при рассмотрении дел обязаны исследовать по существу фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением формальных условий применения нормы, поскольку иное приводило бы к тому, что право на судебную защиту оказывалось бы ущемленным (постановления Конституционного Суда Российской Федерации [от 6 июня 1995 года № 7-П](#), [от 27 октября 2015 года № 28-П](#) и др.). Соответственно, положения статьи 15 и пункта 1 статьи 1064 [ГК Российской Федерации](#) в системе действующего правового регулирования – исходя из взаимосвязи налоговых обязанностей организации и деликтной ответственности лиц, совершивших налоговые преступления, принимая во внимание, что защита публичных интересов достигается и мерами

уголовного законодательства, и с целью избежать нарушения конституционных принципов справедливости и пропорциональности – не могут рассматриваться как препятствующие суду при определении размера возмещения вреда физическим лицом учесть его имущественное положение, в частности факт обогащения в результате совершения налогового преступления, степень его вины в причинении вреда, характер уголовного наказания, возможность ответчика определять поведение юридического лица – налогоплательщика, а также иные существенные обстоятельства, имеющие значение для разрешения конкретного дела.

Этим не исключается правомочие федерального законодателя – исходя из требований Конституции Российской Федерации и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в том числе в настоящем Постановлении, – внести в правовое регулирование изменения, которые позволят правоприменителю при привлечении к деликтной ответственности физических лиц, которые были осуждены за совершение налоговых преступлений, связанных с неуплатой налогов организацией, или в отношении которых уголовное преследование в связи с совершением таких преступлений было прекращено по нереабилитирующим основаниям, определять размер возмещения причиненного бюджетам публично-правовых образований вреда и с учетом иных – исходя из специфики возникших отношений – имеющих значение для этого обстоятельств.

5. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении [от 16 июля 2004 года № 14-П](#), по смыслу статей 10 и 114 Конституции Российской Федерации, полномочия по осуществлению налогового контроля как разновидности государственного контроля относятся к полномочиям исполнительной власти; устанавливая в соответствии со статьями 71 (пункт "г"), 76 (часть 1) и 114 (пункт "б" части 1) Конституции Российской Федерации порядок организации и деятельности федеральных органов исполнительной власти в сфере финансовой, в том числе налоговой, политики, федеральный законодатель вправе возложить полномочия по проверке правильности исчисления и своевременности уплаты (удержания и перечисления) налогов и сборов на федеральный орган исполнительной власти, по своему функциональному предназначению наиболее приспособленный к их осуществлению.

В соответствии с Положением о Федеральной налоговой службе (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации [от 30 сентября 2004 года № 506](#)) Федеральная налоговая служба является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах, за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью внесения в соответствующий бюджет налогов, сборов и страховых взносов (пункт 1).

Налоговые органы, как следует из статьи 30 [Налогового кодекса Российской Федерации](#), составляют единую централизованную систему контроля за соблюдением законодательства о налогах и сборах, за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью уплаты

(перечисления) в бюджетную систему Российской Федерации налогов, сборов, страховых взносов, а в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью уплаты (перечисления) в бюджетную систему Российской Федерации иных обязательных платежей.

В лице налоговых органов государство осуществляет контроль за исполнением налогоплательщиками своих обязанностей по уплате налогов и сборов в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации и в этих целях наделяет их полномочиями предъявлять в суды требования, обеспечивающие поступление налогов в бюджет (подпункт 14 пункта 1 статьи 31 [Налогового кодекса Российской Федерации](#), пункт 11 статьи 7 Закона Российской Федерации от 21 марта 1991 года № 943-І "О налоговых органах Российской Федерации"). Именно публично-правовым характером налоговой обязанности и необходимостью ее реализации в условиях, которые отвечали бы вытекающим из верховенства права принципам равенства и справедливости, предопределяется, по смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, императивный в своей основе метод налогового регулирования и связанность законом налоговых органов, основания, пределы, процедурные и иные условия деятельности которых требуют, насколько возможно, детального определения (постановления [от 14 июля 2003 года № 12-П](#), [от 3 июня 2014 года № 17-П](#) и [от 24 марта 2017 года № 9-П](#); определения от 7 июня 2011 года № 805-О-О, от 18 сентября 2014 года № 1822-О, от 10 ноября 2016 года № 2561-О и др.).

Ни [Налоговый кодекс Российской Федерации](#), включая его статью 31, ни Закон Российской Федерации "О налоговых органах Российской Федерации", устанавливая полномочия налоговых органов, не содержат прямого указания на их право обращаться в суд с иском о возмещении вреда на основании статьи 1064 [ГК Российской Федерации](#). Между тем следует учитывать, что отношения между публично-правовым образованием и физическим лицом, совершившим налоговое преступление (например, предусмотренное статьей 199 или статьей 199-2 [УК Российской Федерации](#)), по поводу возмещения вреда, причиненного бюджету публично-правового образования в результате неуплаты налогов организацией-налогоплательщиком, являются не налогово-правовыми, а гражданско-правовыми. При предъявлении такого рода исков органы Федеральной налоговой службы выступают, по сути, в качестве представителя интересов соответствующего публично-правового образования, лишившегося имущества в размере налоговых платежей, которые не поступили в бюджет в результате неправомерных действий физического лица.

Данный подход разделяется Верховным Судом Российской Федерации, который, реализуя предоставленное ему статьей 126 Конституции Российской Федерации право давать разъяснения по вопросам судебной практики, целью которых, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, является устранение неопределенности нормы применительно к конкретной сфере общественных отношений в тех случаях, когда в судебной практике

допускается придание тем или иным законоположениям нормативно-правового смысла, влекущего нарушение осуществляемых на их основе конституционных прав, также пришел к выводу, что истцами по предъявленному гражданскому иску могут выступать налоговые органы (пункт 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации) или органы прокуратуры (часть третья статьи 44 [УПК Российской Федерации](#)) (пункт 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2006 года № 64). Из этого следует, что соответствующие иски могут предъявляться налоговыми органами наряду с исками, прямо упомянутыми в статье 31 Налогового кодекса Российской Федерации, причем, по смыслу, придаваемому разъяснению Верховного Суда Российской Федерации правоприменительной практикой, не только в уголовном, но и в гражданском процессе.

Такое толкование полномочий налоговых органов не противоречит принципу верховенства закона (статья 4, часть 2; статья 15, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации), а также вытекающим из Конституции Российской Федерации и конкретизированным в Налоговом кодексе Российской Федерации принципу связанности налоговых органов законом и принципу основанности на законе деятельности органов исполнительной власти. При этом принципиально, что налоговые органы в данном случае не привлекают граждан к ответственности с использованием предоставленных им властных полномочий, а лишь выражают волю потерпевшего – публично-правового образования, обращаясь от его имени с соответствующими требованиями в суд, который, реализуя полномочия судебной власти, принимает решение на основании оценки всех обстоятельств конкретного дела.

Таким образом, статья 31 [Налогового кодекса Российской Федерации](#), рассматриваемая в системе действующего законодательства, не исключает наличия у налоговых органов полномочия по обращению в суд от имени публично-правового образования с иском к физическим лицам, которые были осуждены за совершение налоговых преступлений или в отношении которых уголовное преследование в связи с совершением таких преступлений было прекращено по нереабилитирующим основаниям, о возмещении вреда, причиненного их противоправными действиями публично-правовому образованию, что соответствует требованиям Конституции Российской Федерации.

6. Наличие вины как элемента субъективной стороны состава правонарушения – общепризнанный принцип привлечения к юридической ответственности во всех отраслях права. Так, законодательство Российской Федерации о налогах и сборах относит вину, которая может выражаться как в форме умысла, так и в форме неосторожности, к числу обязательных признаков состава налогового правонарушения (статья 110 [Налогового кодекса Российской Федерации](#)). Аналогичным образом [Уголовный кодекс Российской Федерации](#) исходит из того, что лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина (статья 5 и часть первая статьи 14). Объективное же вменение (применительно к

сфере налогообложения – уголовная ответственность за неуплату налога, явившееся результатом невиновного поведения), как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении [от 27 мая 2003 года № 9-П](#), не допускается.

С учетом названного принципа в гражданском законодательстве установлены основания ответственности за причинение вреда. В частности, согласно статье 1064 [ГК Российской Федерации](#) вред, причиненный личности или имуществу гражданина, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред (пункт 1); такое лицо освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине; при этом законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины причинителя вреда (пункт 2). Ответственность юридического лица или гражданина за вред, причиненный его работником, регулируется статьей 1068 [ГК Российской Федерации](#), которая, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 16 февраля 2006 года № 12-О, не может применяться вне системной связи с положениями этой статьи 1064.

В обоснование своей позиции относительно неконституционности положений статьи 15 и пункта 1 статьи 1064 [ГК Российской Федерации](#) заявители по настоящему делу – граждане Г.Г.Ахмадеева и С.И.Лысяк ссылаются на то, что они были привлечены к гражданско-правовой ответственности без установления их вины в совершении налоговых преступлений, поскольку возбужденные в отношении них уголовные дела были прекращены без вынесения приговора, т.е. без признания их вины в уголовном процессе. Между тем прекращение уголовного преследования и уголовного дела не означает освобождение лица от иных негативных последствий совершенного деяния, – в силу публичного характера уголовно-правовых отношений введение уголовно-правовых запретов и ответственности за их нарушение, равно как и установление правил освобождения от уголовной ответственности и наказания, в том числе посредством объявления и применения амнистии, является прерогативой государства в лице его законодательных и правоприменительных органов.

Обращаясь к вопросу о правовой природе прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, гарантиях прав и законных интересов лиц, в отношении которых принимается такое решение, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к следующим выводам (постановления [от 28 октября 1996 года № 18-П](#), [от 5 июля 2001 года № 11-П](#), [от 24 апреля 2003 года № 7-П](#), [от 14 июля 2011 года № 16-П](#), [от 2 марта 2017 года № 4-П](#) и [от 7 марта 2017 года № 5-П](#); определения от 18 января 2005 года № 11-О и от 16 июля 2015 года № 1607-О):

решение о прекращении уголовного дела не подменяет собой приговор суда и, следовательно, не является актом, которым устанавливается виновность обвиняемого в том смысле, как это предусмотрено статьей 49 Конституции Российской Федерации. При выявлении нереабилитирующего основания к прекращению уголовного дела лицо, в отношении которого уголовное дело подлежит прекращению, вправе настаивать на продолжении расследования и

рассмотрении дела в судебном заседании, а в случае вынесения решения о прекращении уголовного дела – обжаловать его в установленном процессуальным законом судебном порядке, благодаря чему лицам, заинтересованным в исходе дела, обеспечивается судебная защита их прав и законных интересов в рамках уголовного судопроизводства;

в силу принципа состязательности, на основе которого осуществляется уголовное судопроизводство, предполагается, что стороны самостоятельно и по собственному усмотрению определяют свою позицию по делу, в том числе в связи с вопросом об уголовной ответственности, а значит, если обвиняемый (подсудимый) не возражает против прекращения уголовного преследования, нет оснований считать его права и законные интересы нарушенными решением о прекращении уголовного дела (при условии его достаточной обоснованности); если же лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, возражает против прекращения уголовного судопроизводства по нереабилитирующему основанию, ему должна предоставляться возможность судебной защиты его прав, в том числе права на возможную реабилитацию;

поскольку прекращение уголовного дела представляет собой целостный правовой институт, т.е. систему норм, регулирующих как основания, условия и процессуальный порядок прекращения уголовного дела, права и обязанности участников соответствующих правоотношений, так и его юридические последствия, несогласие обвиняемого (подсудимого) с возможностью взыскания с него вреда, причиненного преступлением как последствия прекращения уголовного дела, – учитывая системный характер, неразрывную связь и взаимообусловленность складывающихся при этом правоотношений – равнозначно несогласию с применением к нему института прекращения уголовного дела в целом;

в целях защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, обеспечения им доступа к правосудию и компенсации причиненного ущерба федеральный законодатель установил в статье 309 [УПК Российской Федерации](#), что суд при рассмотрении уголовного дела может удовлетворить заявленный гражданский иск, оставить его без рассмотрения либо признать за гражданским истцом право на удовлетворение иска и передать его на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства; суд, рассматривающий по заявлению потерпевшего гражданское дело о возмещении вреда, причиненного преступлением, не может быть связан принятым органом предварительного расследования или судом решением о прекращении уголовного преследования в части определения размера причиненного преступлением ущерба и должен основывать свое решение на собственном исследовании обстоятельств дела;

при прекращении производства по уголовному делу в связи с применением акта об амнистии право на защиту прав и законных интересов лиц, пострадавших в результате преступления, в гражданском судопроизводстве сохраняется во всяком случае;

применительно к случаям прекращения уголовного дела в связи с

истечением сроков давности уголовного преследования суд при рассмотрении в порядке гражданского судопроизводства иска о возмещении вреда, причиненного лицом, подвергнутым уголовному преследованию, в силу части первой статьи 67 и части первой статьи 71 [ГПК Российской Федерации](#) должен принять данные предварительного расследования, включая сведения об установленных органом предварительного расследования фактических обстоятельствах совершенного деяния, содержащиеся в решении о прекращении уголовного дела, в качестве письменных доказательств, которые суд обязан оценивать наряду с другими имеющимися в деле доказательствами по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании. При этом оценка судом в гражданском деле материально-правовых оснований возмещения причиненного преступлением вреда не может ограничиваться выводами осуществлявших уголовное судопроизводство органов, изложенными в постановлении о прекращении уголовного дела.

Аналогичным образом – в силу приведенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации – не могут предрешать выводы суда о возможности привлечения к гражданско-правовой ответственности лица, в отношении которого уголовное преследование по обвинению в налоговом преступлении было прекращено по нереабилитирующим основаниям, акты налоговых органов и послужившие основанием для возбуждения соответствующего уголовного дела материалы налоговых проверок деятельности организации-налогоплательщика, – равно как и материалы предварительного расследования, в деле о возмещении вреда они выступают письменными доказательствами и по отношению к иным доказательствам, в том числе представляемым суду ответчиком, не обладают большей доказательственной силой. Соответственно, при рассмотрении заявленного потерпевшим гражданского иска о возмещении причиненного налоговым преступлением вреда суд – с учетом того, что для прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию требуется отсутствие возражений обвиняемого (подсудимого) против применения данного основания, – не связан решением о прекращении уголовного дела в части установленности состава гражданского правонарушения, однако обязан произвести всестороннее и полное исследование доказательств по делу и дать им оценку, с тем чтобы, следуя требованиям Конституции Российской Федерации, вынести законное, обоснованное и справедливое решение.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 87 и 100 Федерального конституционного закона ["О Конституционном Суде Российской Федерации"](#), Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л:

1. Признать статью 15, пункт 1 статьи 1064 [ГК Российской Федерации](#) и подпункт 14 пункта 1 статьи 31 [Налогового кодекса Российской Федерации](#) в их нормативном единстве не противоречащими

Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования эти положения:

предполагают возможность взыскания по искам прокуроров и налоговых органов о возмещении вреда, причиненного публично-правовым образованиям, денежных сумм в размере не поступивших в соответствующий бюджет от организации-налогоплательщика налоговых недоимок и пеней с физических лиц, которые были осуждены за совершение налоговых преступлений, вызвавших эти недоимки, или уголовное преследование которых в связи с совершением таких преступлений было прекращено по нереабилитирующим основаниям, при установлении всех элементов состава гражданского правонарушения, притом что сам факт вынесения обвинительного приговора или прекращения уголовного дела не может расцениваться судом как безусловно подтверждающий их виновность в причинении имущественного вреда;

не могут использоваться для взыскания с указанных физических лиц штрафов за налоговые правонарушения, наложенных на организацию-налогоплательщика;

не допускают, по общему правилу, взыскание вреда, причиненного бюджетам публично-правовых образований, в размере подлежащих зачислению в соответствующий бюджет налогов и пеней с физических лиц, обвиняемых в совершении налоговых преступлений, до внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о прекращении организации-налогоплательщика либо до того, как судом будет установлено, что данная организация является фактически недействующей и (или) что взыскание с нее либо с лиц, привлекаемых к ответственности по ее долгам, налоговой недоимки и пеней на основании норм налогового и гражданского законодательства невозможно (кроме случаев, когда судом установлено, что организация-налогоплательщик служит лишь "прикрытием" для действий контролирующего ее физического лица);

предполагают правомочие суда при определении размера возмещения вреда, причиненного бюджету публично-правового образования физическим лицом, учитывать его имущественное положение (в частности, факт обогащения в результате совершения налогового преступления), степень вины, характер уголовного наказания, а также иные существенные обстоятельства, имеющие значение для разрешения конкретного дела.

2. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл положений статьи 15, пункта 1 статьи 1064 [ГК Российской Федерации](#) и подпункта 14 пункта 1 статьи 31 [Налогового кодекса Российской Федерации](#) является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Прекратить производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности статьи 1068 [ГК Российской Федерации](#), статьи 199-2 [УК Российской Федерации](#) и части первой статьи 54 [УПК Российской Федерации](#).

4. Правоприменительные решения, вынесенные в отношении граждан Ахмадеевой Галины Гавриловны, Лысяка Станислава Ивановича и Сергеева Александра Николаевича на основании статьи 15, пункта 1 статьи 1064 [ГК Российской Федерации](#) и подпункта 14 пункта 1 статьи 31 [Налогового кодекса Российской Федерации](#) в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в "Российской газете", "Собрании законодательства Российской Федерации" и на "Официальном интернет-портале правовой информации" (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в "Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации".

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 39-П